*

Я ждала тебя, как с тысячи войн
жёны не ждали своих мужей.
И молчали псы, и домашний кот
на коленях спал и щадил мышей.
И погряз в пыли постоялый дом,
и травой порос залежалый свет.
Мне сказала ночь: ты придёшь потом,
когда сгинут сто отдышавших лет.

Застоялась рожь, захворал отец,
замело пути, почернел алтын,
скисли щи в печи, подавился крик,
в ангелочках твой засиделся сын.

Степь да степь кругом,
тишь да блажь в тиши,
караси в реке, скороход в пути.
Я ждала тебя, вот и ты теперь
подожди, родной, подожди.
Прогорит зима, отойдёт трава,
и ещё зима прогорит в печи.
Я ждала тебя, вот и ты теперь
не спеши, родной, помолчи.
Ты же знаешь сам, что таёжный зверь
не идёт на шум, не идёт на свет.
Пол-луны в окне — это мой вопрос,
пол-луны во мне — это твой ответ.
В четырёх углах только пыль да пыль,
несказанных слов невозможный рой.
И два метра — как два десятка миль.
Дождалась.
Боюсь
говорить
с тобой.

Екатерина
ГИЛЁВА

*

Белое солнце садится в белую реку.
Кто нас придумал таких, похожих на травы?
Друг мой, я так боюсь майского снега
над жёлтой крышей прихода Святого Саввы...

ИСПОВЕДЬ АДМИРАЛА МОНГОЛЬСКОГО ФЛОТА

Поговори со мной, каменная черепаха родины Чингисхана,
о Небесном Коране, что лежит у Подножия Престола Аллаха,
о ночных поездах — предвестниках человечьего праха,
о Сыне Божьем, похожем на воду ледниковых озёр.

Моя мама строит подводные лодки, мой папа — великий шофёр,
а наша деревня стоит дальше всех от самых высоких гор,
она крепче всех крепостей, потому что в ней Бог — прокурор.

Поговори со мной, черепаха, переползающая Каракорум.
Я хотел быть на свете жрецом и поэтом, солдатом и вором,
перемётной сумой, деревянным забором,
гранитным осколком, частицей неба над водой ледниковых озёр.

Моя бабка до лучшего дня в серванте хранит дорогой фарфор.
Она в детстве хворала, ей шили саван из шёлковых барских штор.
Она рассказала, что видела Китеж и слышала ангельский хор.

Поговори со мной, черепаха — частица усопшего храма,
где живут мама кедрового бубна и мама там-тама,
и нежная мама крошки-гиппопотама,
и снежная мать, разродившаяся водой ледниковых озёр.

Над степным сухарём нависает закат-помидор.
Я не жрец, не поэт, не солдат и, тем паче, не вор.
Но стоят за спиной, отчего-то стоят
тени самых высоких гор.

ИЮЛЬСКАЯ МОЛИТВА

I

Папа, мне страшно. Каждую ночь над моим домом пролетают истребители СУ-24 и еще иногда вертолёты, "геликоптеры", как зовут их в далёкой Америке, в Англии, в мире белых костей, голубых кровей, золотых людей.
"Геликоптеры" - это как будто птеродактили. "Геликоптеры" — это как будто ожили драконы, стрекочут свое: "Тра-та-та-та! Жизнь — суета. Все без креста. Тра-та-та-та!"
Мчатся драконы,

и кажется, что мертвецы поднимаются и в строевой парад важно встают
и друг другу твердят:
"Это живые гниют.
Это живые смердят.
Мы долго спали. Так неча шуметь, пущай и они поспят.
Это живые смердят.
Это живые смердят".
Папа, мне страшно. Не надо вставать! Я не хочу умирать.

II

Что видишь ты, папа, со своих голубиных небес, со старых карнизов, с пустых подоконников выбитых окон брошеных новостроек?
Что видишь ты, папа, мой папа по имени Йорик, извозчик и просто бродячий шут?
И не такие летят, и не такие гниют...

У нас в Эльсиноре еще продают колбасу,
и желтые головы сыра разят уютом.
Но только где-то летят и летят проклятые СУ,
и плачет соседка: "Погибла моя Анюта".
И плачет соседка: "Зимою и Крым — не Крым,
Москва — не Москва. Почему-то такая штука..."
И солнце садится, и стелется желтый дым,
и у подъезда неистово щенится сука.
Папа, мне страшно. Не надо вставать! Я не хочу умирать.

III

Папа, мне страшно. Выросли дети, которые не видели войны и не знают, как она страшна.
А самое главное, папа, что им очень нужна война.
Они говорят: "Гнать бы в шею царя", не зная других царей.
Они говорят: "Надо гибнуть не зря", и не рожают детей.
Они говорят, что должны рисковать, и силы хоть отбавляй.
Папа, мне страшно. Папа, спаси мой маленький хрупкий рай.
Мой золотой буржуазный быт с корабликом на стене,
подаренный бабушкой малахит,
речной пейзажик в окне,
и умные книжки, и письменный стол,
и восемь сортов конфет,
платья и ленточки, чистый пол, игрушечный пистолет.
Спаси собаку и роскошь дня лениво лежать на пляжу...
А главное — маму мою и детей, которых и я рожу.

*

А.

В глазах моего родного есть что-то от горной реки
и частица ненастного неба,
взгляд моего отца, бабушкино веселье,
отвага оловянного солдата,
опустевшие города одичавших империй
и красное солнце заката на Байконуре,

портреты тёток-комет и девочка,
что плясала в Туманности Андромеды
за два миллиарда лет до первого динозавра.

Каким оно будет, милый, наше с тобою завтра,
где над Землёй занимается довоенный закат,
где мальчики больше не ловят рыбу и не воруют яблоки —
рыба ушла под землю, яблони проросли до рая,
и с Земли плодов не достать.

Скажи мне, каким будет небо над нашим домом?
Сколько флажков мы успеем поставить на карте вселенной
до того, как я стану седой старушкой,
а ты — золотым Дон Кихотом?

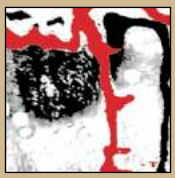
ДЕКАБРИСТЫ

А мы выходили утром, и утро глядело хмуро,
стоял в парике напудренном глухой камер-юнкер Гуров,
стояла толпа народа, смиренно ждала парада,
трехногого пса-урода с ладони кормил император.
Вороний грай, разносилась французская хворь-зараза,
и ветер колол иголкой глаза золотого Спаса.

Скажите, где Он родился?
Изба ходуном ходила.
Скажите, где Он родился?
Скажите, где Он родился?
Скажите, а где б Он родился,
когда б нам стыда хватило?..

А мы выходили молча, и "молча" было зловещим.
Лишь звонко топтал юродивый в снегу дорогие вещи:
три ленточки, два колечка и что-то еще в окладе.
И тонко скулил по миру: "Заблудшие — значит, бляди..."
И сыпались снегом предки, и липли к нашим подошвам.
Вот так уходила империя со Спасом безглазым в прошлое.

А Бог был маленькой птицей,
он бился в горящих глотках.
А Бог был маленькой птицей,
а Бог был маленькой птицей,
а Бог был бы маленькой птицей,
когда бы хватило водки.

А мы выходили трезво, серьезные, шли серьезно.
Сестренки на платья шелку просили светло и слезно...
А мы говорили речи, красиво, до хрипа в горле,
и были кругом медведи, еще дураки да воры,
и батюшка-царь был грешен... а нянька твердила — светел...
И Спаса жалели тогда только старики да дети.

"Маленький мой Господи, —
твердила старушка несмелая, —
Маленький мой Господи,
маленький мой Господи!
маленький мой Господи,
что же с тобою сделали?.."